

DOI 10.32726/2411-3417-2023-4-96-103

УДК 94(47)

ВАРВАРА ХЛЕБНИКОВА

Вклад российских военных топографов в дело разграничения балканских стран после Берлинского конгресса 1878 г. (по материалам Российского государственного военно-исторического архива)

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматривается вклад российских военных топографов в создание точных карт Балканского полуострова в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и послевоенного переустройства. Для этой работы на Балканы были командированы сотрудники военно-топографического отдела Главного штаба Российской империи. Картографические изыскания проводились в крайне неблагоприятных условиях, высоко в горах, в труднодоступных и малозаселенных местах. Сложные погодные условия и опасность попасть под обстрелы постоянно сопутствовали работе русских военных топографов. Политическая ситуация, сложившаяся после окончания войны, создавала дополнительные затруднения. Изучение материалов РГВИА позволяет говорить о профессионализме, стойкости и важной роли русских военных топографов, использовавших передовые методы исследования местности, а также о серьезном уровне развития картографии в России того времени.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Военно-топографический отдел Главного штаба Российской империи, международная комиссия по разграничению на Балканах, карты Балканского полуострова.

С историей Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. неразрывно связаны не только боевые действия русской армии против Османской империи. Послевоенное устройство балканских государств было не менее трудной политической задачей. От ее успешного выполнения зависели мир и стабильность в бывших владениях Турции и в Европе в целом. Поэтому среди прочих тем на Берлинском конгрессе обсуждался вопрос о разграничении вновь признанных государств. Было принято решение создать международные комиссии, которые подготовят и проведут делимитацию границ на Балканах. Россия приняла самое активное участие в работе комиссий, задействовав большое количество специалистов из Военно-топографического отдела Главного штаба и дипломатов. Представляется важным ввести в научный оборот новые сведения

Сведения об авторе: ХЛЕБНИКОВА Варвара Борисовна — доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, istfilos@gmail.com.

о работе военных топографов, принявших участие в составлении географических карт Балканского полуострова и в разграничительных работах 1878–1879 гг. Эти данные сохранились в нескольких фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). РГВИА содержит главным образом официальные документы, проливающие свет на политику Военного министерства Российской империи. Однако в его фондах можно отыскать и источники личного происхождения, рапорты, письма и дневники, содержание которых позволяет судить об умонастроениях и переживаниях людей, принимавших участие в боевых операциях 1877–1878 гг. и в решении послевоенных вопросов. Российские военные, в том числе и топографы, считали, что они честно выполняли служебный долг, и предприняли максимум усилий для победы России.

В середине 80-х годов XIX в. была написана небольшая книжка об истории топографической службы в России, а также о том, какую роль она сыграла в войне 1877–1878 гг. Руководитель канцелярии Военно-топографического отдела Главного штаба В.Ф. Де Ливрон считал необходимым сохранить память о заслугах своих коллег и о тяжелых испытаниях, выпавших на их долю. Он сообщал читателям, что еще в конце 1876 г. при полевом штабе действующей армии был сформирован топографический отдел, в котором работали 17 специалистов. Они начали рекогносцировку левого берега Дуная, а после вступления русской армии на территорию Болгарии составили подробные планы Никополя, Систово, Зимницы [Де Ливрон. С. 49]. Потом съемки продолжались в тех местах, где проходили русские войска. Топографы не только наносили на планшеты географические объекты и населенные пункты, но и привязывали их к координатам русских городов, обеспечивавших телеграфное сообщение с армией. Благодаря этому «войска могли ориентироваться в совершенно неизвестной прежде местности», — отмечал Де Ливрон [Там же. С. 50].

После падения Плевны тотчас начались съемки самого города, его окрестностей, расположенных там русских и турецких военных укреплений. Такие же мероприятия проводились в окрестностях Адрианополя и других городов, занятых русской армией. Масштабные съемки, триангуляционные, астрономические и геодезические исследования требовали все больше специалистов. В конце 1877 г. на болгарском театре военных действий трудились уже 40 сотрудников Военно-топографического отдела Главного штаба Военного министерства, а в 1878 г. в Болгарию были командированы еще 102 топографа. Их работа оказалась весьма плодотворной, несмотря на суровые погодные условия, сложный ландшафт и ожесточенные бои. Результаты были впечатляющими — вся территория Болгарии и Восточной Румелии была покрыта тригонометрической сетью. Топографы активно занимались также составлением карт в Сербии и на границе Сербии, Болгарии и Турции, исследовали труднодоступные географические объекты, в частности Родопские горы. Русскими специалистами была установлена общая высота Балканских гор.

Картографические исследования на Балканском полуострове продолжились и после окончания военных действий. В январе 1879 г. Главный штаб подготовил доклад на

имя царя, в котором говорилось о достигнутых результатах и о необходимости получить в наступившем году 75 тысяч рублей для продолжения изысканий топографов. Александр II удовлетворил эту просьбу¹. В 1879 г. на цели «по разграничению государств Европейской Турции и на продолжение топографических работ в Болгарии» выделили из казны 292 400 рублей². Фактически было потрачено 324 540 рублей³. В.Ф. Де Ливрон подсчитал, что с середины сентября 1877 г. по декабрь 1879 г. «было снято 134250 квадратных верст» [Де Ливрон. С. 60].

Военные топографы могли гордиться не только размахом, но и качеством проведенных изысканий. Полковник Главного штаба А.В. Каульбарс, назначенный делегатом от России в международную комиссию по разграничению, в июне 1879 г. описал реакцию членов комиссии, оценивавших результаты полевых работ российских военных: «...Первая поверка русских планшетов в поле привела нашу комиссию в восторг. Это было на участке поручика Градского, который вообще произвел на нас первоклассное впечатление»⁴.

Конечно, были и не очень добросовестные работники, плохо справлявшиеся с заданиями, но в материалах РГВИА встретились только три фамилии топографов, составивших некачественные описания местности. Остальные военные были на высоте, и это не случайно: их отбор был строгим. Из послужных списков нижних чинов и офицеров Военно-топографического отдела, отправленных на Балканы, видно, как достойно они несли службу и честно трудились в крайне сложных условиях⁵. В.Ф. Де Ливрон писал: «Местность здесь наполнена дикими, обрывистыми, изрытыми горами с узкими хребтами, отвесными скалами и громадными расселинами, на дне коих лежит вечный снег. Здесь нет ни дорог, ни населения, и съемщики, не имея возможности ни добыть продовольствия, ни укрыться от непогоды и стужи, подвергались всевозможным лишениям. Подозрительность и враждебное отношение к нашим работам не только со стороны турецких, но даже сербских и румынских властей, немало замедляли работу» [Де Ливрон. С. 58]. В отчетах Военно-топографического отдела отмечались случаи тяжелых простудных заболеваний среди съемщиков. Некоторых приходилось отправлять на родину из-за серьезных проблем со здоровьем.

Труднодоступная местность и суровые погодные условия были не единственным препятствием для проведения картографических изысканий. Куда сложнее была проблема доступа на приграничные земли, где нужно было вести съемки. В РГВИА сохранился рапорт штабс-капитана Ф.Д. Болтенко от 6 июня 1879 г., содержание его очень красноречиво. Русских военных топографов и их проводников из местных жителей задержали прямо на месте съемок будущей границы от горы Чильтепе до горы Гени-

1 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф.1. Оп. 1. Д. 35834. Л. 2-3.

2 РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д. 35834. Л. 139.

3 РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35834. Л. 177.

4 РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 19. Л. 171.

5 РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 43.

ган-баба. Арест произвел некий турецкий чиновник, которого сопровождали десятки людей, «вооруженных ружьями и ятаганами». Арестованных под конвоем доставили в один из ближайших населенных пунктов. Запуганных проводников связали и «погна-ли в шею», Болтенко пытался за них заступиться, но его грубо оттолкнули. В деревне, куда доставили задержанных, проводников посадили в «темную вместе с разными пре-ступниками». А русских военных подвергли длительному допросу «с величайшей по-дозрительностью», заставили повторить показания несколько раз. Продолжалось это импровизированное следствие с 26 мая по 1 июня, пока не появился турецкий делегат международной комиссии. После его вмешательства, топографов в сопровождении самого делегата и жандармов доставили на границу Восточной Румелии¹.

Это был далеко не единственный пример враждебного отношения местных (турец-ких) властей к иностранцам, занимавшимся картографическими работами.

У сотрудников Военно-топографического отдела на Балканах были и другие слож-ности. Руководивший всеми съемками в Западной Болгарии генерал-майор А.Г. Ерне-фельт требовал от своих подчиненных как можно скорее завершить составление карт, потому что опасался появления на бывшем театре военных действий представителей европейских держав, ревниво следивших за успехами русской армии. Особое подо-зрение вызывало поведение англичан. В телеграмме от 22 июля 1879 г. Ернефельт рас-порядился завершить съемку местности на одном из участков болгарской границы до приезда представителей Великобритании. Он предупреждал, что после их прибытия русским специалистам могут ограничить доступ к границе («после чего нас могут не пу-скать»). Если так случится и съемки не удастся закончить, предписывалось расспросить местное население об особенностях ландшафта, а уже готовые карты ни в коем случае «не показывать англичанам»². Очевидно, руководители Главного штаба были серьезно обеспокоены слишком активным вмешательством западных политиков и дипломатов в дела «Европейской Турции».

С одной стороны, решение Берлинского конгресса создать специальные междуна-родные комиссии по разграничению облегчало задачу военных топографов. У них поя-вились помощники в лице дипломатов, которые должны были улаживать разногласия между представителями всех заинтересованных в послевоенном устройстве сторон. Например, делегатом международной комиссии от России в Западной Болгарии и в Сербии был назначен А.В. Каульбарс. Он стремился наладить контакт с руководст-вом Военно-топографического отдела, разъясняя генерал-майору А.Г. Ернефельту, ру-ководившему съемками в Западной Болгарии, как изменились условия работы на Бал-канах с прекращением военных действий. Османская военная администрация после окончания Берлинского конгресса была вынуждена согласиться на делимитационные работы, опасаясь санкций со стороны великих держав. Вместе с тем Каульбарс отмеч-ал: «Съемки эти официально делаются для комиссии и под ее руководством. Это было

1 РГВИА. Ф.404. Оп.14. Д.19. Л.178-178 об.

2 РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 19. Л. 261.

единственное условие, при котором можно было добиться согласия турок» [Письмо от 27 июня 1879 г. ...]. То есть работы, начатые во время боевых операций для того, чтобы способствовать продвижению русской армии, теперь велись с новыми целями — главной задачей стало установление границ государств Балканского полуострова. Только на таких основаниях турецкие власти готовы были мириться с продолжением топографических съемок.

С другой стороны, участие дипломатов в послевоенном разграничении вызвало трения между сотрудниками Военно-топографического отдела и членами отдельных комиссий. А.В. Каульбарс и А.Г. Ернефельт не нашли общего языка в вопросе о том, чьи распоряжения должны выполнять съемщики. Генерал-майор Ернефельт заподозрил полковника Каульбарса в желании приписать себе заслуги топографов. Пришлось последнему оправдываться и подробно объяснять, почему он был вынужден давать поручения подчиненным Ернефельта. Дескать, нужно было спешить и использовать присутствие нижних чинов Военно-топографического отдела на месте работы комиссии, чтобы нанести на карты как можно больше населенных пунктов и географических объектов, пока правительства балканских стран не передумали сотрудничать с дипломатами великих держав.

Турецкая администрация пользовалась любым предлогом, чтобы ограничить действия топографов. А.В. Каульбарс подробно описал уловки местных властей, которые сначала разрешили съемщикам заходить вглубь турецкой границы на три версты, но потом в два раза сократили эту дистанцию и постоянно запугивали, «что не ручаются за жизнь наших топографов, если это требование не будет исполнено». Поэтому участки границы со стороны Сербии были подробно нанесены на карты, а на стороне Турции только «местами удалось проникнуть версты на 2-3 и только в начале работ. Потом турецкий паша окончательно запретил работать и даже рисовать издали турецкую территорию»¹.

Кроме того, в июле 1879 г. А.В. Каульбарс сообщал А.Г. Ернефельту из Ниша, в окрестностях которого в тот момент работала комиссия, что ситуация на границе накаляется. В любой момент албанские племена могли взбунтоваться, а османское правительство то ли не хотело, то ли не было способно навести порядок [Письмо 14/20 июля 1879 г. ...]. Опасность возобновления боестолкновений требовала быстрых действий. А.В. Каульбарс в своих письмах старался убедить А.Г. Ернефельта в том, что нужно соединить усилия всех специалистов, независимо от того, кто под чьим началом служил. Наметившийся конфликт не помешал полковнику Каульбарсу выразить глубокое уважение подчиненным Ернефельта. «Комиссия наша, сопровождаемая конвоем из двух батальонов, была все время в опасности, — написал он. — И я должен сейчас сказать, что господа топографы выказали много истинного мужества во время работ в этой местности»². Особо российский делегат гордился тем, что зарубежные дипло-

1 РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 20. Л.11 об.

2 РГВИА. Ф.404. Оп. 14. Д. 20. Л. 10.

маты из комиссии в полной мере оценили храбрость и упорство россиян, «которые вот уже который месяц ежедневно подвергаются самой серьезной со стороны албанцев опасности»¹. Такая отличная характеристика профессиональных и личных качеств топографов не была простым комплиментом. Ее дал боевой офицер, побывавший во многих сражениях и знавший истинную цену русских побед.

Личность полковника Каульбарса, его участие в Русско-турецкой войне и послевоенном переустройстве на Балканах заслуживают внимания исследователей военной истории. Он побывал во многих боевых операциях на территории Болгарии, одновременно занимался рекогносцировкой позиций русских войск на Дунае и в окрестностях Никополя, Рущука и других населенных пунктов. Вместе с русской армией перешел зимой 1877–1878 гг. через Балканский хребет. После окончания войны ему пришлось несколько месяцев (с сентября по ноябрь 1878 г. и с апреля по июль 1879 г.) трудиться в международной комиссии по разграничению. По записям в личном дневнике офицера можно восстановить и ход разграничительных работ, и серьезные усилия русских дипломатов, старавшихся отстаивать интересы южнославянских стран, не слишком волновавшие основных авторов Берлинского трактата.

Прежде чем в первый раз отправиться в составе комиссии на сербскую границу, А.В. Каульбарс в сентябре 1878 г. провел некоторое время в Белграде. Ему довелось побывать на аудиенции у князя Милана, который торопил делегатов комиссии, предлагая завершить делимитацию уже в 1878 г. «во избежание неудовольствия с турками»². Пребывание в столице Сербского княжества позволило сделать определенные выводы о настроениях сербского общества. Во-первых, многие были уверены, что граница Сербии пройдет там, где когда-то существовала держава «царя Лазаря». То есть ожидания результатов разграничения явно расходились с реальным положением дел. Во-вторых, А.В. Каульбарса как члена международной комиссии тревожило то, что у сербов «есть бессознательное убеждение, что Россия должна им помочь деньгами и при случае кровью». Как выразился автор дневника, «подавай им», но «сами ничего не обещают». В-третьих, представителя России покорило высокомерное отношение к сербам со стороны европейских дипломатов. Например, англичане искренне не понимали, зачем в комиссии нужен сербский делегат, и полагали, что его необязательно приглашать на заседания. Эти наблюдения наводили на мысль, что делимитация границ будет происходить с большими затруднениями.

26 сентября (8 октября) 1878 г. комиссия прибыла на место делимитации сербско-болгарской границы. Во время разграничительных работ А.В. Каульбарсу стало известно, что сербская сторона подогревает тревожные настроения среди местных жителей, распуская слухи о невыгодных условиях, которые ждут подданных Болгарии «по воле

1 А.В. Каульбарс признавался, что если бы он заранее знал о том, какая напряженность царит на границе Сербии и Турции, то не решился бы просить свое руководство прислать туда специалистов из Военно-топографического отдела Главного штаба. РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 20. Л. 13.

2 РГВИА. Ф. 203. Оп. Д. 6. Л. 20.

русского царя»¹. Из-за этого происходили стычки, в которых участвовали военные и гражданские лица. «Сербское население, видя, что сербские войска отступают, начали бросать свои жилища и уходить в Сербию, а дома свои поджигают», — записал в дневнике Каульбарс (5 (17) октября 1878 г.² Попытки турок остановить отток населения только подливали масла в огонь. И сербы, и болгары неоднократно обращались в комиссию с жалобами и требованиями не игнорировать их интересы на приграничных землях. Сами делегаты плохо ладили друг с другом: то представитель Австро-Венгрии выражал недовольство линией границы, то англичане гневались по поводу уступок сербам. А.В. Каульбарсу казалось недобросовестным желание некоторых членов комиссии как можно скорее завершить делимитацию, чтобы покинуть беспокойный регион («у делегатов заболели ножки»). К концу ноября 1878 г. съемки на этом участке границы закончились.

Весной 1879 г. комиссия продолжила работу в районе Смедерево и Ниша. Снова начались споры, волнения местных жителей, мешавших съемщикам установить вехи на месте работ, и т.д. Были даже попытки дать взятку в 2 тысячи дукатов председателю комиссии. По мнению А.В. Каульбарса, эти инциденты возникали потому, что этническую принадлежность населения тех или иных мест было трудно определить. Невозможно было уверенно утверждать, где именно проживают сербы, где болгары, имело место множество смешанных браков, наблюдалось «смешение крови, языков и обычаев»³. Делимитация как ножницы резала живую ткань деревень, пастбищ, угодий. Причем сами жители пограничья не проявляли ненависти друг к другу, так как веками жили и трудились бок о бок. Однако военные и гражданские чиновники Турции, Сербии, Болгарии выказывали враждебность и несговорчивость, готовы были агрессивно реагировать на любые происки конкурентов. Нежелание местных администраций договариваться и искать компромиссы довольно быстро утомило представителей западных держав. Сердили их и тяжелые бытовые условия, и необходимость много времени проводить на месте съемок под палящим солнцем или проливным дождем. 2/14 июня 1879 г. Каульбарс записал в дневнике, что европейские комиссары, «не желая мучить дворянские ножки, порешили уехать в Пирот». Свое намерение прекратить работу в комиссии большинство делегатов объясняли тем, что «превосходные русские съемки» не вызывают сомнений, а значит, делимитацию можно считать завершенной⁴. Остались на границе и продолжили составление планшетов и карт только русские, английские и турецкие топографы. Они и довели дело до конца в июле 1879 г.

Подводя итог, следует отметить, что изучение материалов РГВИА, относящихся к работе Военно-топографического отдела Главного штаба, позволяет говорить о серьезном уровне развития картографии в России и высоком качестве топографических съемок, во время которых российские военные использовали новейшие научные раз-

1 Ходили разговоры, что русский царь установит высокие налоги для тех, кто останется на болгарской стороне, и низкие для жителей Сербии. РГВИА. Ф. 203. Оп.1. Д. 6. Л. 65.

2 РГВИА. Ф.203. Оп.1. Д.6. Л. 96–96 об.

3 РГВИА. Ф. 203. Оп.1. Д.6. Л.137.

4 РГВИА. Ф.203. Оп.1. Д.6. Л.158.

работки и современную технику. Архивные документы высвечивают важную роль топографов, сумевших в ходе боевых операций своевременно сообщать русским войскам достоверную информацию о местности, на которой происходили сражения. Военные были обеспечены надежными картами во время переходов и маршей на Балканах. И конечно, нельзя забывать о стойкости и смелости специалистов, выполнявших сложнейшие задачи не только в кабинетах Главного штаба, но и на фронте, в исключительно опасных и тяжелых условиях. Их героизм современники оценили по достоинству. Российские и иностранные дипломаты, занимавшиеся вопросами послевоенного устройства балканских стран, давали самую высокую оценку профессиональным действиям русских топографов.

Литература

Де Ливрон В. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880 гг. СПб. 1880.

Письмо А.В. Каульбарса А.Г. Ернефельту от 27 июня 1879 г. // РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 19. Л.173.

Письмо А.В. Каульбарса А.Г. Ернефельту 14/20 июля 1879 г. // РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 20. Л.11.

*Статья публикуется в рамках проекта
«"Сим победиши!" Российское общество и армия в моменты испытаний»,
реализованного при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.*